

Universität Regensburg

FAKULTÄT PHILOSOPHIE, KUNST-,
GESCHICHTS- UND GESELLSCHAFTSWISSENSCHAFTEN

Institut für Geschichte

Universität Regensburg · D-93040 Regensburg

Диссертационному совету Д 800.009.01
Ленинградского государственного
университета им. А.С. Пушкина

Prof. Dr. Klaus Buchenau
Lehrstuhl für Geschichte Südost- und Osteuropas
Telefon +49 941 943-3792
Sekretariat: Rosemarie Scheid
Telefon +49 941 943-3791
Telefax +49 941 943-5032
Universitätsstraße 31
D-93053 Regensburg

Klaus.Buchenau@geschichte.uni-r.de
www.uni-regensburg.de/Fakultaeten/phil_Fak_III/Geschichte/Suedosteuroopa/

Регенсбург, 2 апреля 2020 г.

Отзыв проф. Клауса Бухенау на автореферат диссертации Головушкина Дмитрия Александровича «Феномен обновленчества в русском православии первой половины XX века»

Диссертация Д.А. Головушкина представляет собой широкое синтетическое исследование, которое пытается не только описать идейное развитие обновленчества до и после Октябрьской революции, но и «раскрыть» ее культурный смысл и динамику в контексте русской истории. Об обновленчестве существует богатая литература. Хотя я специалист в другой области, все же считаю, что работа Головушкина является оригинальным и важным вкладом, сочетающим с одной стороны эмпирическое исследование, а с другой - целостностное толкование обновленчества. Работа интересна еще и тем, что она рассматривает тему через переломный момент 1917 года, показывая таким образом, какие изменения произошли у религиозных мыслителей и деятелей движения в период революции. Кроме того, Головушкин открывает свою тему для сравнения, используя религиозоведческие и культурологические понятия, такие как модернизм и фундаментализм. Головушкин видит в обновленчестве переплетение этих двух тенденций. Хотя он сам, судя по автореферату, не занимается сравнением, его подход позволяет рассмотреть обновленчество наряду с религиозными движениями по миру, как напр. с исламским модернизмом/фундаментализмом на рубеже 19 и 20 вв., с радикальными католическими молодежными организациями, с тенденциями в североамериканском протестантизме, с богословием освобождения в Латинской Америке или же с социальной этикой Румынской православной церкви в десятилетия коммунистической власти. Читая автореферат, мне порой не хватало взгляда на примеры, через которые можно было бы понять особенности русского обновленчества. Т.е. методологически, Головушкин подготовил свою тему к компаратистике, но конкретно он ее оставил в чисто русском дискурсе. Особенно это проявляется в дискуссии о развитии русской культуры между традицией и модернизацией.

Головушкин основывает свое исследование на широкой базе источников, в том числе как на публицистике обновленческих деятелей, так и на российских архивах. При этом

у него преобладает реконструкция истории идей над историей явных и закулисных событий, на которых бы наверняка фокусировался историк. Но в этом я на самом деле не вижу минуса, так как сами идеи обновленцев весьма интересные - напр. их отношение к светской власти или их специфическое использование таких богословских концептов как *богочеловечество*. В первые годы после революции, когда обновленцы еще считали большевиков помощниками в построении "богочеловеческого общества", на соседних, тогда еще некоммунистических Балканах, также как и в рамках русской церковной эмиграции, богочеловечество воспринималось как антипод коммунистическому безбожию (напр. в работах сербского архимандрита Юстина (Поповича).

Как историк не могу согласиться с утверждением Головушкина, взятого им из обновленческого дискурса, что обновленчество - русский эквивалент реформации. Не вижу смысла в таком широком употреблении термина, который в своем изначальном понимании в XVI веке не имел особенного социального направления (а скорее наоборот: Лютер был общественным консерватором, мало думал о преобразовании общества, а много о чисто богословских категориях). Сама же реформация, разумеется, имела очень широкие политические и социальные последствия, которые в основном не были запланированы самими реформаторами. Как например развитие письменности, религиозные войны, секуляризация, да и Веберовская "протестантская этика". У русско-православного обновленчества же **все перевернуто** - у них было сильное желание изменить социальный строй, но последствий от этого стремления вскоре не было видно практически никаких. Так как до радикальных социальных преобразований 20-х и 30-х годов дошло бы и без их поддержки. Даже принимая во внимание указываемую Головушкиным дальнейшую попытку обновленчества вписаться в коммунистический строй уже после конца самого движения в 30-е годы, нужно отметить, что наследие обновленчества по сравнению со значением протестантской реформации все таки скромное. Важным являлось обновленчество в основном в головах его сторонников и (временами) их противников. Распространение термина реформация на русское обновленчество возможно на мой взгляд только при резком ограничении исследования на историю идей. В этом плане, термин даже имеет свои компаративные преимущества. При этом следует иметь в виду, что реформация в понятии (немецких) историков - явление с богословским ядром и началом, ставшим крупным и характерным событием именно через свои многоплановые последствия. Именно в плане последствий, обновленчество и (европейская) реформация являются совершенно разными феноменами. Считаю это важным отметить, поскольку употребление заимствованной западной терминологии на общества вне исторического запада может создать серьезную путаницу в терминологических системах, а в последствии открыть путь к псевдиалогу между разными научными дисциплинами и между исследователями из разных регионов мира.

При этом вовсе не отрицаю, что на примере обновленчества можно многое узнать о русской культурной динамике. Особенно ценна на мой взгляд его контекстуализация обновленчества в типично русской ситуации общественного раскола. Головушкин убедительно показывает, что обновленцы стремились превзойти этот раскол, но против своих желаний были обречены до 1917-го года на его углубление, поскольку церковная иерархия не хотела придружиться, а поддерживала старый, "несправедливый" строй. А после революции большевики дискредитировали обновленцев тем, что их brutally подчинили своей атеистической политике. Как историк могу еще напомнить, что (не)успех попытки "лечить" общественный раскол и построить общество как "богочеловеческое" тело святости и справедливости можно было бы проверить исследованием

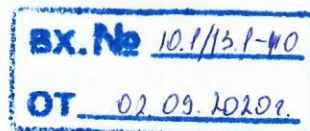

реакции простых прихожан на обновленческий импульс. Кажется, что их отклик не был слишком большим, так что обновленцы, при всех их разногласиях с официальной церковью, были маргинализированы вместе с русским православием как таковым. Находясь перед обещаниями, но и угрозами большевиков, мнимый христианский потенциал общества быстро сошел на нет или обратился к политической религии коммунизма. Этот результат, по-моему, и подчеркивает сильную утопичность обновленческих деятелей, как и их относительно скромный интерес к трезвой оценке реально существующего российского общества. В этом смысле, обновленцы как и большевики являлись детищем своего же общества, русского культурного климата, который предрасполагал к тому, чтобы видеть в обществе не людей со своими интересами, а массу, которую следует переделать в соответствии с абстрактными теориями и утопиями, то богословскими, а то атеистскими.

Убедительной мне кажется классификация обновленчества между фундаментализмом и модернизмом, данная Головушкиным. Несмотря на это, возможна и локализация обновленчества между про- и антизападничеством. Было бы интересно узнать, как себя видели обновленцы в традиции этого длинного российского дискурса. Например, насколько им была важна русская культурная оригинальность? Был ли у них страх от 'губительного' культурного плагиата запада, угрожающего русской коллективной идентичности? Видели ли они неравенство в России как последствие вестернизации со времен Петра Великого? Вопросы эти оправданы именно в контексте фундаментализма, который часто - вне исторического запада - является поиском собственного, неповторимого коллективного "я", а не только возвращением к религиозным первоисточникам.

В целом, судя по автореферату, диссертационное исследование на тему «Феномен обновленчества в русском православии первой половины XX века» соответствует паспорту специальности 09.00.14 Философия религии и религиоведение, требованиям пп. 9–14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации № 842 от 24 сентября 2013 года в редакции от 01.10.2018 года № 1168, а ее автор Головушкин Дмитрий Александрович заслуживает присуждения ученой степени доктора философских наук по специальности 09.00.14 Философия религии и религиоведение.

Иванов

С. Иванов

10.09.2020

Головушкин